

1859г.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛЕТОПИСЬ.

БЕНЕФИС Г.МАРТЫНОВА /пятница, 30 января/.

Г. Мартынов составил свой бенефис роскошно, и потому неудивительно, если замечательный артист этот, и без того любимый публикою, вполне награжден был восторженным, блистательным приемом, какой выпадает на долю немногих актеров Александринского Театра. Такой прием конечно больше относится к личности бенефицианта; но нельзя сказать, чтоб часть его не принадлежала и автору капитальной бенефисной четырехактной пьесы: "Не в деньгах счастье", доставившей репертуару русской сцены значительное приобретение; так можно утверждать на том основании, что комедия г. Чернышева досих-пор собирает многочисленных зрителей в театр; нужно наперед записаться, чтоб получить ложу. Успех пьесы г. Чернышева напоминает первую комедию г. Львова.

Мы не будем говорить ни о содержании комедии, ни о литературных достоинствах ее, потому что она помещена в приложении /№ 1-й/ к нашему журналу — Репертуару русской сцены, но обратим внимание читателей на исполнение ее нашими артистами. Г. Мартынов исполнил главную роль продувного плута, купца Боярышников, который, бросив бывшую свою возлюбленную вместе с дочерью Машенькою на произвол судьбы, женился для приданого на нелюбимой болезненной, капризной девушке, оттолкнувшей его в свою очередь, и потом всю жизнь страдал, сделавшись ханжей и святошей, подозревая всех окружающих в желании обобрать его и мучимый совестью за то, что утаил десять тысяч долга, приходившегося другу его Шукину. Роль эта чисто-драматическая и самая трудная в пьесе: она выдвигается не криками и возгласами, не стуком и топаньем, а тихой, спокойною речью старого скряги, который нигде не находит себе покоя и ни в чем не имеет утешения. Г. Мартынов в другой раз уже является перед публикой в драматической роли; в первый раз он поразил зрителей исполнением роли молодого разгульного ямщика в драме г. Потехина: "Чужое добро в прок нейдет", теперь еще более утвердил за собою славу высокого драматического исполнителя. Артист вел роль Боярышников спокойно, некрикливо, но это спокойствие, это глухое, мертвенное выражение лица в минуты обуявшей старческой страсти, в припадке ханжеского настроения, этот горький, недоверчивый взгляд на бывшую свою любимицу, на свою дочь, эти прерывающиеся вздохи, затаенные стоны при виде пойманного в воровстве приемщика Ильюшки и составляют высокий драматизм артиста, потому что действуют на душу слушателя сильнее всяких изысканных трагических взглядов, неистовых проклятий и судорожных потрясений головой и руками, придумываемых некоторыми актерами для эффекту. Глядя на спокойного Боярышников в ту минуту, когда он отпирается от взятых у Шукина денег, невольно думаешь, что этот спокойный вор и плут далеко уйдет в своем гнусном ремесле, и — так оказывается на самом деле. Г. Мартынов с удивительно житейскою правдою передал эту, постепенно нисходящую до сердечного оупения и ханжеского озлобления, личность; он обнажил эту постепенность во всех оттенках и провел ее чрез все фазы нравственного изнеможения Боярышников с тою человеческою истинною и естественностью, которые дают понятие о личности выжившего из ума кулака-старика. Ханжество Боярышников передано г. Мартыновым необыкновенно-типично: кажется, вот видишь знакомую личность и потому с полным презрением отворачиваешься от нее, до такой степени живьем воплотил артист этого жадного, обжородевшего старика. В его исполнении не было ничего театрального, ни малейшей аффектации: вы видите купца Боярышников со всеми его причудами и слабостями, но в эти минуты для зрителя не существует актер. Даже самая гримировка необыкновенно-верно придумана: она вполне подходила под ту апатичную личность, которую так мастерски изобразил и художественно обрисовал г. Мартынов. Артист всю роль передал с полным артистическим совершенством; ему

много аплодировали за всякое движение, выражение лица и даже за один взгляд, но особенно поразительны в его игре три места. Первое, когда к Боярышникову является Каролина Карловна и уговаривает его прийти на обручение Машеньки; — колебание подозрительного старика, не уверенного, действительно ли Машенька дочь его, передано психологически — верно и совершенно в характере действительной жизни. Второе, когда Боярышников приходит к Машеньке и невольно поддается отцовскому чувству: сколько глубокого, душевного драматизма отразилось в объяснении г. Мартынова с Машенькою. Третье, когда Шукин убеждает Боярышникова взять к себе отвергнутую им дочь Машеньку и когда Боярышников, склонившись пред речами бывшего своего друга, решается ехать к ней: тут г. Мартынов явился совершенно драматическим артистом и общее бравое было приговором его высокому, разнообразному таланту; согласитесь, что не так легко встретить в одной и той же личности высокого комика и сильного драматического исполнителя... Г: САМОИЛОВ просто и натурально представил горемыку Шукина, обиженного Боярышниковым и прошедшего всю жизнь на чердаке, в углу; в последнем действии, в минуту объяснения Шукина с Боярышниковым, он много способствовал своей игрою общему эффекту этой грустной сцены, от которой зависело решение судьбы Машеньки. Г. БУРДИН с увлечением сыграл роль Ильюшки, взбалмошного парня, которому тесно в четырех стенах старика и который так и рвется на волю; несколько размашисто передал только г. БУРДИН ту сцену, когда Боярышников отталкивает Ильюшку и выгоняет с уворованными им деньгами; артист приходит в излишний азарт и почти обрывается, крича: "ха, ха, ха! вот заляюсь, так заляюсь! отвернись душа, развернись тело, катывайся без просыпу, на все!..." Г-жа ЛИНСКАЯ безукоризненно выполнила роль светливой скопидомки — Немки, душевно преданной своей питомице и готовой на все неприятные сцены для счастья Машеньки... Г-жа СНЕТКОВА 3-я представила скромную, умную, благородную сироту, тоскующую о том, что не может видеть своего отца; игра ее была ровная и правильная. Г. ЧЕРНЫШЕВ совершенно на месте был в роли конторщика Сергеева. Гг. АЛЕКСЕЕВ и ЗУБРОВ очень ловко гримировались и поддерживали общий ансамбль исполнения пьесы. Повторяем, комедия г. Чернышева имела большой успех в сценическом отношении. По окончании пьесы, автора вызвали несколько раз.

/Театр. и Музыкальн. вестник, 1859, № 6, стр. 47-48/